А. Луначарскій.

КУЛЬТУРНЫЯ ЗАДАЧИ
РАБОЧАГО КЛАССА.

Культура общечеловѣческая и классовая.

6 К—

Издательство „СОЦІАЛИСТЪ".
ПЕТЕРБУРГЪ.

2-й экз

ТИПОГРАФІЯ
„СЕЛЬСКАГО ВѢСТНИКА".
Петроградъ, Мойка, 32.

А. Луначарскій.

КУЛЬТУРНЫЯ ЗАДАЧИ РАБОЧАГО КЛАССА.

I.

Культура общечеловѣческая и классовая.

ПЕТЕРБУРГЪ.
Книгоиздательство „СОЦІАЛИСТЪ".
1917.

ТИПОГРАФІЯ
„СЕЛЬСКАГО ВѢСТНИКА“
Петроградъ, Мойка, 32.

206124

Культурныя задачи рабочаго класса.

Культура общечеловѣческая и классовая.

I.

Противопоставленіе культуры общечеловѣческой культурамъ національнымъ—вещь обычная. Разрѣшеніе кажущагося противорѣчія между этими понятіями извѣстно и понятно всѣмъ. Съ патріотами древне-китайскаго образца, желающими отгородить свою культуру отъ общей какой-нибудь стѣной,—скучно спорить. Даже война, разстерзавшая человѣчество не столько по національнымъ, сколько по военно-полицейскимъ государственнымъ границамъ, лишь не надолго подарила поверхностный успѣхъ проповѣдникамъ горячечной любви къ „своему“ на подкладкѣ ненависти и презрѣнія „къ чужому“.

Человѣчество идетъ неудержимо по пути къ интернаціонализаціи культуры. Національная основа, разумѣется, останется надолго, можетъ быть, навсегда, но интернаціонализмъ и не предполагаетъ вѣдь уничтоженія національныхъ мотивовъ въ обще-человѣческой симфоніи, а лишь ихъ богатую и свободную гармонизацію.

Побѣждаются рамки націй, побѣждаются и ступени эпохъ на великой лѣстницѣ міровой исторіи. Еще недавно, даже среди утонченно-образованныхъ людей, можно было встрѣтить такихъ, которые признавали только современную европейскую культуру за истинно-цѣнную, а всѣ сокровища прошлаго и все творчество отсталыхъ народовъ считали за хламъ, интересный только для археологовъ и этнографовъ. Еще больше встрѣчалось типовъ, которые принимали свой личный или групповой вкусъ за объективный критерій при оцѣнкѣ художественныхъ

и интеллектуальныхъ цѣнностей прошлыхъ эпохъ. Одинъ выхвалялъ Византію,—другой проклиналъ ее и молился Возрожденію. Тутъ же можно было присутствовать при расколахъ возрожденцевъ и слышать, какъ одни, восторгаясь религіозной серьезностью и наивной глубиной ранняго Ренессанса, предавали анаѳемѣ пустой и пышный 16-й вѣкъ, а другіе, провозглашая полную побѣду гуманизма и расцвѣтъ чистой красоты силой кисти Рафаэлей или Тиціановъ, пожимали плечами передъ „незрѣлыми“ продуктами творчества 14-го и 15-го вѣковъ и т. д., и т. д. Нѣтъ эпохи, какой бы упадочной ни была она объявлена тѣми или другими авторитетами, которая не нашла бы и защитниковъ. Сколько времени считалось незыблемымъ, что барокко есть явный распадъ чистаго стиля эпохи Возрожденія, но мы уже слышали съ тѣхъ поръ, что барокисты—это великіе футуристы 17-го вѣка. Словомъ отъ деревяшекъ какихъ-нибудь ботокудовъ до красочныхъ симфоній Уистлера, отъ первобытнаго плясового ритма до Дебюсси, лица и группы выбирали себѣ кумировъ и вопили: „нѣтъ Бога кромѣ этого Бога!“

Вотъ тутъ-то, я думаю, и начинается поворотъ къ подлинному пониманію общечеловѣческой значительности художественной и умственной культуры во всѣхъ ея проявленіяхъ. Тутъ я считаю его глубоко необходимымъ и отраднымъ.

Повидимому, сама эклектическая ярмарка послѣднихъ 10-лѣтій научила людей не швырять сразу прочь все то, что показалось непонятнымъ и нелѣпымъ. Мало-по-малу научились вслушиваться въ аргументы другъ друга, и растетъ число тѣхъ, кто умѣетъ гордиться *всѣмъ* художественнымъ достояніемъ человѣчества, любитъ *все* его прошлое, цѣнитъ творчество *всѣхъ* націй и *всѣхъ* вѣковъ въ тѣхъ шедеврахъ, въ которыхъ данная форма жизни и чувства нашла точное, сильное и чистое выраженіе.

Такъ обстоитъ по-видимому дѣло съ противопоставленіемъ національныхъ культуръ и культуръ отдѣльныхъ эпохъ—идеѣ культуры общечеловѣческой.

Но постановка вопроса объ отношеніи этой общечеловѣческой культуры и культуръ классовыхъ—вещь новая и мало разработанная. По-скольку такое противопоставленіе дѣлалось до сихъ поръ марксистами—оно встрѣчалось холодно, или даже рѣзко враждебно. Особенно же всякій разговоръ о *пролетарской* культурѣ, которая начинаетъ де развиваться и будетъ во многомъ рѣзко-отличной отъ культуры буржуазной — находилъ весьма ожесточенный пріемъ.

Какъ! Вносить классовую рознь даже въ область культуры? Куда мы идемъ? Скоро будутъ говорить не только о пролетарской музыкѣ, но о большевистской скульптурѣ и меньшевистской архитектурѣ! Эти партійные люди все на свѣтѣ хотятъ разрѣзать по квадратикамъ своей отвратительной классовой сѣтки, которая превращается прямо-таки въ графы фракціонной бухгалтеріи... И т. д., и т. д.

Сколько гнѣвныхъ и красивыхъ фразъ можно выпустить по этому поводу! Какъ легко громить „фанатиковъ раскола“ съ точки зрѣнія „единаго общаго идеала“, „всего великаго и прекраснаго“ и т. под.

Но все это только вѣтхая фразеологія, за которой скрывается отчасти лѣнь мысли, отчасти сознаніе того, что для сѣренькихъ служителей мутной культуры, ночь, въ которой всѣ кошки сѣры, служитъ обстановкой наиболѣе благопріятной.

Научно-соціалистическая соціологія, которая среди другихъ своихъ принциповъ, установила какъ одинъ изъ важнѣйшихъ, принципъ классоваго характера всякой культуры, кромѣ первобытной и грядущей соціалистической, не можетъ остановиться передъ храмомъ искусства, на вратахъ котораго эклектики начертали—ТАБУ.

Очень распространена идея, что подлиннымъ творцомъ культурныхъ цѣнностей является личность. Однако, лишь при чисто мистическомъ подходѣ къ личности можно принимать ее за какой то первоисточникъ творчества. Наука съ такой рѣшительностью отвергла въ настоящее время представленіе объ индивидуальномъ духѣ, какъ о чемъ то не подлежащемъ и не поддаю-

щемся анализу, результаты этого анализа съ такой несомнѣнностью обогатили человѣческую мысль, что сомнѣваться въ необходимости ставить вопросъ о томъ, *откуда произошла* и *чѣмъ опредѣлилась* личность въ своемъ содержаніи—нельзя.

Если мы даже отведемъ для простоты силу способностей, формальную талантливость данной личности на счетъ физіологіи, объяснимъ ее наслѣдственностью или измѣнчивостью—то и тогда область, подлежащая соціально-психологическому изслѣдованію нисколько не обѣднѣетъ.

Можно проводить извѣстныя идеи и чувства, связывать и организовывать ихъ съ большею или меньшею яркостью, стройностью, съ большей или меньшей степенью заражающей и покоряющей убѣдительности, но вопросъ о томъ, *каковы именно* эти идеи и чувства и почему именно они появились какъ разъ въ *данной* связи, остается вопросомъ соціологическимъ.

Съ дѣтскихъ лѣтъ человѣкъ, маленькая tabula rusa—неисписанный бѣлый листъ,—начинаетъ заполняться письменами жизни. Отъ того, каковы будутъ первыя впечатлѣнія обстановки, первыя воздѣйствія ближнихъ, первые опыты общенія съ болѣе дальними, отъ семьи, школы, соціальной структуры, въ которой приходится жить,—будетъ зависить все содержаніе души данной личности. Она есть какъ бы мѣсто пересѣченія опредѣленныхъ идейныхъ и чувственныхъ силовыхъ линій общественной жизни. Свои мысли человѣкъ позаимствуетъ отъ тѣхъ или другихъ школъ и теченій, свои чувства отъ тѣхъ или другихъ сектъ и группъ. Они будутъ сочетаться своеобразно, въ соотвѣтствіи именно съ тѣмъ мѣстомъ, географическимъ и общественнымъ, которое выпало на долю данной личности. Первое наслоеніе будетъ преломлять и видоизмѣнять послѣдующія, и такъ постепенно будетъ строиться человѣческая личность во всей ея оригинальности, причемъ большая или меньшая яркость ея переживаній, темпъ ея реакцій, плодотворность ея творчества будутъ опредѣляться также и ея физіологическими особенностями, но только они, а не *содержаніе* этихъ переживаній и этого творчества.

Въ сложномъ обществѣ невозможно представить себѣ сколько нибудь точнаго совпаденія жизненной обстановки для двухъ или нѣсколькихъ лицъ. Но весьма важно тутъ *относительное* сходство этой обстановки, тотчасъ же дѣлающее изъ людей—родныхъ и близкихъ другъ другу, духовныхъ родственниковъ, говорящихъ на одномъ языкѣ въ прямомъ и переносномъ смыслѣ этого выраженія.

Не всѣ переживанія и впечатлѣнія, не всѣ силы, играющія роль въ духовномъ обиходѣ равномощны, нѣкоторыя изъ нихъ прочны и вліятельны, гнутъ все остальное въ сознаніи по своему, заставляютъ случайное и второстепенное носить на челѣ свою печать, а въ случаѣ неповиновенія—по просту изгоняютъ непокорные образы, воспоминанія, мысли, чувства изъ самого сознанія.

Кому неизвѣстно, что въ этомъ отношеніи чувства непосредственнѣе связаны съ волей и вообще сильнѣе, чѣмъ идеи? Кто только не повторялъ, что тѣ изъ чувствъ, которыя всего непосредственнѣе связаны съ основными потребностями, отличаются особой силой и легче всего пріобрѣтаютъ характеръ „доминантъ“, т. е. душевныхъ элементовъ, господствующихъ надъ другими и подчиняющихъ ихъ себѣ? Но положеніе о власти „голода и любви“ надъ человѣкомъ должно быть расширено. Человѣкъ не просто стремится къ удовлетворенію первоначальныхъ потребностей, онъ, въ особенности въ господствующихъ общественныхъ классахъ, давно оцѣнилъ значеніе „запаса“, богатства, которымъ никогда нельзя насытиться, ибо каждый приростъ его означаетъ увеличеніе власти индивида надъ окружающимъ, надъ другими людьми, упроченіе ея и т. д.

И не только богатство создаетъ право на наслажденіе, обезпечиваетъ за личностью ея прерогативы, выдвигаетъ ее изъ рядовъ, подымаетъ надъ ближними, но и слава, родовитость, непосредственная и прямая политическая власть и т. д.

За все это личность склонна бороться, если борьба эта не кажется ей безнадежной, если аппетитъ вообще

проснулся. Особенно же тѣ, кто разъ отвѣдали сладкаго вина привиллегій и господства, склонны со всей энергіей стремиться къ защитѣ и расширенію своихъ общественныхъ завоеваній.

Въ борьбѣ за власть и богатство, а съ другой стороны въ самозащитѣ противъ безпощадной эксплуатаціи господствующихъ, создаются тѣ естественные союзы и братства людей съ приблизительно одинаковыми интересами, которые называются классами, на почвѣ которыхъ возникаютъ партіи, секты, школы и т. д.

Не надо думать, что интересъ является въ сознаніи всегда въ голомъ видѣ, и что носитель его просто сознаетъ, что онъ подгоняетъ къ нему все свое сознаніе, всю свою „правду“. Напротивъ, такъ бываетъ сравнительно рѣдко. Въ глубинахъ подсознанія интересъ, въ союзѣ со всѣми навыками, воспитанными обстановкой, со всѣми уроками ходячей и безспорной въ данной средѣ истины, пропитываетъ всю душу индивида и отливаетъ ее въ угодныя ему, удобныя для него формы, такъ что, строя свое міросозерцаніе или находя его готовымъ и принимая его—личность со сформированной такимъ образомъ душой совершенно искренне увѣрена, что преслѣдуетъ лишь „объективныя“ нормы „добра, истины и красоты“.

Только отойдя на извѣстное разстояніе, только въ роли холоднаго изслѣдователя, сторонній человѣкъ замѣчаетъ большія соціальныя образованія, ярко просвѣчивающія сквозь случайное и исключительное и, классифицируя міросозерцанія, продукты искусства и т. д.—находитъ, что основой для сходныхъ формъ служатъ сходные же сознательные или безсознательные интересы.

Ткань культуры тонка, узорна. Можно съ грубостью педанта и увальня подойти къ задачѣ и просто искать „корыстныхъ“ мотивовъ въ самыхъ безкорыстныхъ на видъ дѣйствіяхъ, въ самыхъ далекихъ отъ „сырого интереса“ областяхъ. Но это будетъ не примѣненіемъ соціально аналитическаго, экономическаго и классового щетода къ изслѣдованію культуры, а компрометирующимъ ихъ проявленіемъ своеобразной мизантропіи, же-

лающей во всѣхъ высокихъ мотивахъ видѣть обманъ и радостно вскрывающей за „показнымъ идеализмомъ“— низменную правду.

Дѣло идетъ совсѣмъ не объ этомъ, а именно о безсознательномъ, фатальномъ подчиненіи индивида своимъ кореннымъ интересамъ и, въ особенности, интересамъ своей группы.

Возьмемъ какую либо аристократическую личность, или представителя крупной буржуазіи: у нихъ есть традиціи, созданныя еще ихъ предками; ихъ семьи, друзья держатся одинаковыхъ съ ними убѣжденій насчетъ единоспасающей силы крѣпкого консерватизма, освященныхъ древностью устоевъ общества, или же насчетъ необходимости въ промышленной жизни руководительства „людей энергіи, знанія и таланта“, т. е. промышленниковъ. Эти люди искренни, когда съ расширенными отъ ужаса глазами они говорятъ о гибели всей культуры, которую повлечетъ за собой побѣда ихъ классовыхъ враговъ,—дѣло дѣйствительно представляется имъ въ такомъ видѣ. Они искренни, когда, сжавъ кулаки и стиснувъ зубы, они готовятся сопротивляться до послѣдней возможности во имя спасенія рода человѣческаго отъ „анархіи“; но если вы спросите, путемъ какого рода изслѣдованія пришли они къ своимъ оцѣнкамъ, то, при мало-мальски глубокомъ анализѣ и несмотря на всѣ ихъ увѣренія въ противномъ,—вы поймете, что чувство, покоющееся на интересѣ, сказало тутъ свое неоспоримо властное слово.

Пока тотъ или иной классъ, какимъ бы эксплоататоромъ онъ ни былъ, здоровъ, силенъ и имѣетъ передъ собой будущее, его индивидуальные представители способны часто къ героизму, къ самопожертвованію во имя общихъ интересовъ класса. Если циничный, оголенный эгоистическій интересъ начинаетъ преобладать въ какомъ нибудь классѣ—это явный признакъ его упадка и близкой гибели.

И вотъ на почвѣ интереса тѣхъ или другихъ могущественныхъ общественныхъ группъ вырастаютъ цѣлыя особыя культуры, внутренне связанныя, единыя: пони-

маніе міра и бога, права и морали, общества и законовъ его развитія, пониманіе хозяйства, устройство быта и всѣ виды искусства—все это необходимо должно быть взаимно приспособленно, чтобы культура была прочной и устойчивой. Одинъ и тотъ же духъ долженъ по возможности царить надъ всѣми ея областями, ибо внутреннія противорѣчія въ культурѣ даннаго класса ослабляютъ его и приводятъ къ ненужной затратѣ силъ. Но главное—необходимо, чтобы всѣ организованныя культурой идеи, эмоціи и формы не выходили изъ противорѣчія съ коренной основой, т. е. съ первоначальнѣйшими интересами данной группы, съ тѣмъ, что необходимо для самого ея существованія и для расширенія ея власти и вліянія въ обществѣ.

Конечно, исторія и современная дѣйствительность знаютъ общества, въ которыхъ руководство принадлежитъ не одной группѣ, а нѣсколькимъ. Такъ въ наше время въ Германіи или Англіи существуютъ рядомъ въ принципахъ своихъ далеко не близкія другъ другу культуры послѣдышей феодализма и крупной буржуазіи. Однако и классовыя противорѣчія между ними и культурныя различія все болѣе скрадываются: помѣщики все чаще становятся предпринимателями, а магнаты буржуазіи все опредѣленнѣе чувствуютъ себя аристократической кастой правителей.

Культура каждой націи, каждаго государства въ цѣломъ—диктуется ихъ правящими классами. Но не они непосредственно созидаютъ ее. Культура матеріальная созидается классами трудовыми, тонкія формы духовной культуры—спеціалистами умственнаго и художественнаго труда, такъ называемой интеллигенціей.

Особенное положеніе интеллигенціи, какъ класса необладающаго непосредственно никакой властью, во многихъ своихъ элементахъ угнетеннаго, почти безъ исключенія зависимаго, класса, отдѣльныя личности котораго находятся въ весьма различномъ положеніи, на различныхъ ступеняхъ общественной лѣстницы,—сказывается, конечно, въ культурѣ, особенно въ области искусства, какъ болѣе далекой отъ непосредственной

борьбы; но какъ ни интересны и ни характерны сами по себѣ попытки интеллигенціи проявить въ своемъ творчествѣ самостоятельность, она все же лишена возможности замѣтно вліять на основныя черты господствующей культуры. Только въ одномъ случаѣ можетъ интеллигентъ пріобрѣсти чрезвычайную силу—это, когда онъ опирается на подымающіе голову низшіе классы, но такое явленіе возможно лишь въ томъ случаѣ, когда между подобнымъ интеллигентомъ и массами существуетъ глубокое духовное родство, внѣ его возможна лишь демагогія — явленіе отрицательное и незначительное.

Угнетенныя классы до нѣкоторой степени пріобщаются къ культурѣ господъ: крохи со стола послѣднихъ падаютъ къ народу. Но крохи эти скудны и часто по самому существу своему непонятны или просто ненавистны угнетенному классу.

Пока онъ такъ придавленъ, что можетъ заботиться лишь о хлѣбѣ насущномъ, о простомъ существованіи, культура его бѣдна: нищенскія формы быта, да проявленія тоски, надежды и ненависти въ пѣсняхъ, легендахъ и сказкахъ, примитивное искусство—ремесло—вотъ все, что мы здѣсь находимъ. Если порою и на этой ступени мы встрѣчаемъ формы, поражающія своей свѣжестью и символы изумительной глубины, то эти культурныя сокровища отнюдь не являются продуктами временъ угнетенія, а воспоминаніями эпохи относительно свободнаго первоначально-демократическаго строя жизни. Угнетеніе, которому у разныхъ народовъ въ разные вѣка стало подвергаться крестьянство отразилось въ области культуры страшнымъ оскудѣніемъ народнаго творчества. Но въ еще худшее положеніе былъ поставленъ пролетаріатъ: оторванный отъ природы, прикованный къ бездушной машинѣ, лишенный свободнаго времени, осужденный на жизнь нищенскую и монотонную,—фабрично-заводскій рабочій въ первую пору своего существованія сталъ дичать и, со страницъ книгъ изслѣдователей первыхъ тяжелыхъ временъ развитія крупнаго капитала, вѣетъ на насъ холоднымъ ужасомъ,

когда мы встрѣчаемся тамъ съ фактами, характеризующими бытъ и душу пролетарія.

И однако именно то, что пролетаріатъ есть оборотная сторона капиталистической медали, именно связанность его съ промышленнымъ городомъ, міровымъ рынкомъ и научной техникой, именно первоначально совершенно невольная сплоченность и дисциплинированность его должны были послужить причиной его дальнѣйшаго огромнаго расцвѣта.

Какъ и предшествовавшіе ему подымавшіеся классы пролетаріатъ, по мѣрѣ своего роста, по мѣрѣ усиленія своего вліянія, начинаетъ проявлять все болѣе многостороннія культурныя требованія, все болѣе многообразное творчество. Уже теперь, въ подвалѣ капиталистическаго дворца рабочій классъ начинаетъ ковать свою культуру: прежде всего—культуру—мечъ, культуру борьбы противъ угнетателей, а потомъ также культуру—мечту, культуру—цѣль своихъ стремленій, свой классовый идеалъ правды и красоты.

Присмотримся теперь къ наиболѣе распространеннымъ взглядамъ на вопросъ объ общечеловѣческой и пролетарской культурѣ.

Вы встрѣчали, конечно, культурниковъ, которые на ваши рѣчи о пролетаріатѣ и его задачахъ, о грядущемъ соціализмѣ, отвѣчаютъ рѣчами о „грядущемъ хамѣ“? Для нихъ рабочее движеніе есть возстаніе непросвѣщенной черни, ставящей сапоги выше Шекспира, Венеру Милосскую ниже самовара и т. д., и т. д. Для нихъ это надвигающееся господство улицы, наглой, крикливой, безвкусной, которой никакое искусство не нужно... А, пожалуй, и того хуже—которой нужно свое искусство—искусство Ванекъ и Петрушекъ, ужасающая дребедень, потрафляющихъ на „скусъ“ почтеннѣйшей публики базарныхъ фигляровъ. Ненависть и паника—вотъ отвѣтъ такихъ культурниковъ на успѣхи рабочаго движенія. Уже теперь съ нѣжностью ласкаютъ они своими холеными руками тѣ „мясные котлы Египта“, отъ которыхъ, пожалуй, оторветъ ихъ народъ, идущій въ пустыню на поиски невѣдомаго Ханаана. Они забы-

вают ъ весь ужасъ смерти искусства народнаго, весь ужасъ производства на рынокъ, весь ужасъ меценатства „раззолоченнаго брюха“, всѣ тѣ язвы капиталистической художественной культуры, отъ которыхъ погибло на мансардахъ и легло въ безымянныя могилы столько возроставшихъ геніевъ, а столько другихъ, проклиная себя, прогнало прочь подлинную музу, не желавшую подчиниться рыночному „спросу“, и замѣнило ее—въ началѣ со слезами, потомъ съ наглой улыбкой, или тупымъ равнодушіемъ—проституткой ходкаго искусства и моды.

Лучшіе изъ такихъ культурниковъ превращаются въ культуртрегеровъ. Разъ пролетарскій прибой подступаетъ все ближе и рѣшительнѣе,—нельзя ли пойти навстрѣчу, въ эту темную массу, не спуститься ли „дѣтямъ солнца“ въ норы „слѣпыхъ кротовъ“, не зажечь ли тамъ хоть огарки первоначальнаго просвѣщенія?

У этихъ благожелательныхъ миссіонеровъ красоты и истины среди дикарей большихъ городовъ и деревень, много искренности, и работа ихъ по своему полезна, такъ какъ въ багажѣ, съ которымъ они направляются въ народную гущу, есть, конечно, много цѣнностей, болѣе или менѣе окончательно пріобрѣтенныхъ человѣчествомъ и необходимыхъ какъ фундаментъ всякой будущей культуры.

Но носители этихъ безспорныхъ и нужныхъ пролетаріату цѣнностей со своей стороны совершенно забываютъ, сколько готовыхъ или возможныхъ, таящихся въ формѣ зародыша, цѣнностей несетъ имъ навстрѣчу самъ пролетаріатъ; имъ и не вдомекъ, что дѣло идетъ не только о томъ чтобы учить, но и о томъ чтобы многому учиться у рабочаго класса.

Конечно, пролетарская культура, сказавшаяся пока, главнымъ образомъ, въ областяхъ политической и экономической, въ формахъ борьбы и организаціи—культура еще дѣтская. Но это объ нем по поводу первыхъ книгъ рабочаго Вейтлинта, Марксъ сказалъ: „это дѣтскіе башмаки, но сравните ихъ со стоптанными сапогами

дряхлѣющая буржуазіи и вы увидите, что башмаки эти принадлежатъ ребенку-исполину".

Было бы однако ложью утверждать, что полное пониманіе вопроса объ отношеніи классовой культуры къ общечеловѣческой есть вещь обычная въ средѣ самихъ рабочихъ и ихъ друзей. Наоборотъ, въ этомъ классѣ, который растянулся въ своемъ маршѣ въ длинную процессію, гдѣ разстояніе между авангардомъ и арьергардомъ огромно, мы найдемъ много самыхъ дикихъ представленій. Я не отрицаю, что не такъ ужъ трудно среди насъ, соціалистовъ, найти того или другого юношу, не всегда необразованнаго въ формальномъ смыслѣ, которой крикнетъ вамъ задорно: „Къ черту буржуазную культуру!".

И при этомъ вы сейчасъ-же найдете, что такіе опредѣленные и рѣшительные враги прошлаго распадаются на два типа. Есть среди нихъ аскеты, пуритане—типъ іудейскій по терминологіи Гейне: такіе просто отвергаютъ для обозримаго будущаго надобность въ „роскоши". Серьезный рабочій классъ, особенно въ періодъ борьбы, не станетъ, молъ, тѣшиться побрякушками искусства, или тратить время на пріобрѣтеніе познаній, не приложимыхъ непосредственно къ жизни. Типичнѣйшій представитель этого направленія въ литературѣ, синдикалистъ Сорелъ, даже и грядущій соціалистическій строй представляетъ себѣ въ трезво-практическихъ чертахъ, достойныхъ самаго скучнаго квакера.

Но попадается и типъ „эллинскій", по тому же Гейне: типъ ждущій отъ соціализма великаго разсвѣта жизнерадостности, готовый росписаться подъ самыми пышными и языческими программами наиболѣе смѣлыхъ мечтателей великолѣпнаго сенсимонизма. Но зачастую эти соціалисты, напоминающіе немного членовъ щедринскаго общества „предвкушенія благъ грядущаго строя",—склонны опредѣленно заявлять, что соціализмъ де тремя деньми разрушитъ старый храмъ и возведетъ совершенно новый.

Нельзя достаточно протестовать противъ этихъ крайностей, изъ которыхъ одна порождается грузостью

сознанія *отсталыхъ* элементовъ пролетаріата и льститъ ей, другая является результатомъ романтическаго размаха и самоувѣренности нѣкоторой части его *передовыхъ* элементовъ, полныхъ энергіи и отваги, но еще не оглядѣвшихся въ томъ огромномъ и разнородномъ наслѣдствѣ, которое они получатъ отъ прошлыхъ вѣковъ, и въ которомъ дурное и прекрасное переплетаются причудливо, нуждаясь въ разборѣ.

Нашъ отвѣтъ на недоразумѣнія того и другого рода коротокъ и ясенъ. Пролетаріатъ по самому своему существу есть *культурный* классъ. Онъ самъ, его организація, его программа, его будущее все это плодъ высокоразвитаго хозяйственнаго механизма, построеннаго капитализмомъ. Пролетаріатъ искусственно держатъ вдали отъ науки и художества, но онъ, представляющій большинство населенія большихъ городовъ, повсюду неудержимо рвется къ знанію и красотѣ.

Какъ соціалистическое производство является продуктомъ производства капиталистическаго, но видоизмѣняетъ его и поднимаетъ, такъ и вся соціалистическая культура есть какъ бы новая, еще невиданная по роскоши цвѣтовъ, по тяжести и сладости обѣщаемыхъ плодовъ вѣтвь великаго древа общечеловѣческой культуры.

Культура новаго класса есть новое видоизмѣненіе, органическая метаморфоза единой общечеловѣческой культуры.

Пролетаріатъ долженъ впитать всѣ соки той почвы, которая распахана и удобрена длиннымъ рядомъ предковъ, все внимательно и бережно расцѣнить, подобно любящему сыну и рачительному хозяину, принявшему въ завѣдываніе богатое наслѣдство. Но было бы безсмысленно думать, что наслѣдникъ этотъ, сознаніе котораго освѣщено совсѣмъ новымъ свѣтомъ, сердце котораго бьется по иному, который въ страданіяхъ выростилъ великій планъ коренной реформы всего дѣла, сталъ бы стѣсняться старымъ жизненнымъ уставомъ и боялся бы сказать, что рухлядь есть рухлядь, боялся бы *по своему* написать инвентарь и начать обогащать старый домъ го-

раздо энергичнѣе и ярче, гораздно *новѣе*, чѣмъ дѣлали это его предшественники при подобныхъ же смѣнахъ.

II.

Когда говорятъ о пролетарской культурѣ, то часто смѣшиваютъ, къ большому ущербу для ясности понятій, культуру соціалистическую и культуру пролетаріата, создаваемую этимъ классомъ въ самой борьбѣ его, еще въ нѣдрахъ капиталистическаго строя.

Великій богословъ Ѳома Аквинскій умѣлъ выпукло и ярко начертать картину сходствъ и разницъ между церковью торжествующей, соборомъ святыхъ и блаженныхъ, и церковью борющейся, сонмомъ мучениковъ и вѣроисповѣдниковъ.

Первая Ecclesia triumphans—вся исполнена свѣтомъ побѣды, миромъ, согласіемъ, блаженствомъ. Ecclesia militans—напротивъ вся отдана во власть испытаніямъ, частнымъ пораженіямъ, идущему сквозь страданія рвенію. Тамъ—градъ обрѣтенъ, здѣсь—онъ взыскуемъ. Тамъ все осуществлено, здѣсь все—въ зерцалѣ гаданія. Тамъ—очевидность, здѣсь—только вѣра и надежда.

Такое дѣленіе присуще отнюдь не одной только церкви въ христіанскомъ пониманіи—оно присуще всякому движенію, идущему подъ знаменемъ идеала. Въ соціализмѣ мы различаемъ съ полной опредѣленностью тотъ цвѣтокъ, которымъ расцвѣтетъ когда то человѣчество и тотъ процессъ, которымъ гонится вверхъ, вопреки закону тяготѣнія, тонкій и сравнительно неприглядный стебель. Соціалистическая культура грядущаго—культура общечеловѣческая, внѣклассовая, культура гармоничная, культура по типу своему классическая, въ которой содержаніе, установившееся и развивающееся здоровымъ органическимъ процессомъ, получаетъ вполнѣ соотвѣтствующую форму.

Культура пролетаріата борющагося—культура рѣзко обособленная, классовая, построенная на борьбѣ, культура по типу своему романтическая, въ которой содержаніе, напряженно опредѣляющееся, обгоняетъ форму, ибо некогда заботиться о достаточно опредѣляющей и

совершенной формѣ для этого бурнаго и трагическаго содержанія.

Всякій классъ, какъ и всякая нація достигшая своего расцвѣтъ,—классичны въ своей культурѣ, всякій классъ въ борьбѣ растущій—романтиченъ, и романтизмъ его пріобрѣтаетъ типичныя черты „бури и натиска"; всякій классъ, обреченный на распадъ и увяданіе,—романтиченъ по другому, по типу романтики унынія и разочарованія, по типу декаденса.

Но изъ того, что между культурой соціалистической и культурой пролетарской по необходимости должно выясниться такъ много глубокихъ различій, не слѣдуетъ, чтобы между ними не было глубокаго родства.

Вѣдь борьба идетъ именно за идеалъ культуры, братства и полной свободы, именно за идеалъ побѣды надъ калѣчащимъ человѣка индивидуализмомъ, за расцвѣтъ коллективизма массовой жизни на началахъ не принудительности и не стадности, какъ это бывало порою въ прошломъ, а на началахъ совершенно новаго органическаго, или лучше — сверхъорганическаго свободнаго и естественнаго сліянія личности въ сверхличныя единства. Мало того, что эти черты идеала не только диктуютъ уже и въ юдоли борьбы извѣстныя формы сотрудничества, онѣ и сами то вырастаютъ изъ особаго положенія пролетаріата въ капиталистическомъ строѣ, сдѣлавшаго его классомъ, наиболѣе организованнымъ, наиболѣе внутренне единымъ.

Идеалъ не можетъ вырасти на почвѣ и изъ сѣмени ему абсолютно чуждыхъ.

Методы и оружіе, при помощи которыхъ достигается идеалъ, не могутъ принципіально ему противорѣчить.

Тѣмъ не менѣе мы не имѣемъ права требовать отъ культуры борющагося пролетаріата не только той пышности плодовъ, того совершенства формъ, той свободной граціи побѣдоносной силы, которая конечно проявится въ грядущемъ, но мы имѣемъ всѣ основнія ждать, что культурѣ пролетарской, именно какъ боевой, страдающей и стремящейся, будутъ присущи многія черты, вѣроятно

совершенно немыслимыя въ общественномъ строѣ соціализма торжествующаго.

Но прежде всего, имѣетъ ли этотъ борющійся пролетаріатъ какую нибудь культуру?

Конечно имѣетъ. Во первыхъ въ марксизмѣ онъ имѣетъ почти главное,—тонкій и мощный *методъ* изслѣдованія соціальныхъ явленій, фундаментъ соціологіи и политической экономіи, краеугольный камень цѣлостнаго философскаго міровозрѣнія. Въ этомъ смыслѣ въ интеллектуальной области пролетаріатъ теперь уже обладаетъ цѣнностями, которыя съ величайшимъ успѣхомъ могутъ выдержать сравненіе съ самыми блестящими завоеваніями человѣческаго разума.

Кромѣ того въ области *политической* пролетаріатъ во многихъ странахъ проявилъ огромный организующій талантъ. Это правда, что мертвый все еще держитъ живого, что буржуазный парламентаризмъ, буржуазный національнизмъ просочился въ артеріи молодого политическаго организма пролетарскихъ партій и всего интернаціонала. Но какъ ни остръ переживаемый кризисъ, какъ ни страшна болѣзнь, о которой мы, лѣвые соц.-демократы, тревожно предупреждали еще въ инкубаціонный ея періодъ, какъ ни близки были многіе къ мысли, что болѣзнь эта смертельна—уже теперь можно сказать съ увѣренностью, что она будетъ пережита, учтена, использована, и что изъ страшнаго испытанія политическія организаціи пролетаріата выйдутъ окрѣпшими и болѣе вліятельными чѣмъ когда либо. Было бы преувеличеніемъ сказать, что въ области *экономической* борьбы достигнутъ тотъ идеалъ, который мыслители и тактики пролетаріата начертали передъ нимъ въ области профессіональнаго рабочаго движенія. Но кто не остановится въ изумленіи передъ сложнымъ и прекраснымъ зданіемъ системы профессіональныхъ организацій еще недостроеннымъ но уже импонирующимъ и другу и врагу?

Почти также мощно развертывались пролетарскіе кооперативы.

Штутгартскій международный конгрессъ указалъ профессіональному движенію соціалистическія цѣли и

поднялъ его въ своей знаменитой резолюціи на одинъ уровень съ политической соціалистической партіей.

Копенгагенскій съѣздъ сдѣлалъ почти тоже для кооперативнаго движенія. И можно было надѣяться, что съѣздъ Вѣнскій подчеркнетъ всю огромную, необъятную важность четвертой формы пролетарской культуры: *борьбы просвѣтительной*.

Возникновеніе *высшихъ пролетарскихъ школъ* при многихъ соціалистическихъ партіяхъ, переходъ въ руки соціалистическихъ организацій цѣлаго ряда *народныхъ университетовъ* вечернихъ и воскресныхъ, все растущая масса всякаго рода *клубовъ*, преслѣдующихъ научныя и эстетическія цѣли и въ особенности все болѣе непосредственный подходъ черезъ *организацію юношества и отрочества* къ коренному и важнѣйшему вопросу объ организаціи пролетарской низшей *школы*, объ отысканіи базиса для реформы пролетарской *семьи*, пролетарской кухни, изъ которой надо было освободить женщину и пролетарской дѣтской, до настоящаго времени, увы! можно сказать почти отсутствующей—вотъ говоря очень общё, перечисляя лишь важнѣйшее,—тотъ рядъ вопросовъ, на который и теоретически и практически соціалистическій пролетаріатъ началъ давать соотвѣтственные отвѣты. До войны лишь немногіе соціалъ-демократы сознавали ту истину, которую такъ неопровержимо доказалъ Спенсеръ: а именно, что даже самое лучшее *умственное* просвѣщеніе лишь въ незначительной мѣрѣ вліяетъ на волю, если рядомъ съ нимъ не идетъ организація жизни *чувства*. *Этическое и эстетическое воспитаніе* молодыхъ поколѣній пролетаріата въ духѣ соціалистическаго идеала является абсолютной необходимостью. Тысячу разъ права Роза Люксембургъ, когда говоритъ, что безъ яснаго пониманія этой задачи пролетарскаго самовоспитанія мы врядъ ли сдвинемся съ мѣста.

Въ этой области, которую суммарно можемъ назвать *просвѣтительной*, въ которой творчество пролетаріата должно проявиться особенно ярко, сдѣлано еще сравнительно мало. Потребность, однако, остро чувство-

валась уже до войны, уже до войны началась работа въ этомъ направленіи, война же съ такой, рѣжущей глаза ясностью показала пролетаріату изъяны его культуры съ этой важнѣйшей стороны, что мы въ правѣ ожидать въ близкомъ будущемъ, несмотря на всеевропейское разореніе, подъема энергіи рабочаго класса и его друзей именно въ этомъ направленіи.

Въ Россіи война и разруха создаютъ трагическое положеніе. Мы всѣ придавлены страхомъ передъ возможными бѣдами, всѣ бичи міра подняты надъ нашей головой; сегодня говорятъ о безхлѣбьѣ, завтра о безработицѣ, а тамъ о наступленіи и т. д. И безумцемъ былъ бы тотъ, кто сталъ бы закрывать глаза на эти опасности. И однаго пролетаріатъ, только что проснувшійся для свободной жизни, на краю этой пропасти и съ разинутыми пастями чудищъ надъ собой, торопится сорвать ягоды духовнаго наслажденія. Въ этомъ сказывается не стремленіе полакомиться, пока можно, а огромный, застарѣлый духовный голодъ и порою трогательно ясное сознаніе пролетаріатомъ необходимости сорганизовать свою душу: умъ свой и чувство, ибо всякая борьба отъ этого крѣпнетъ и уясняется.

Искусство вообще есть прежде всего организація эмоцій отдѣльныхъ лицъ, или группъ, классовъ, цѣлыхъ націй и т. д. Пролетарское искусство есть выраженіе процесса организаціи его эмоціональной жизни.

Должно ли пролетарское искусство быть тенденціознымъ.

Что вы называете тенденціей? Вы помните тѣ бичующія и самобичующія страницы знаменитаго письма Чехова, въ которыхъ говорится объ отсутствіи какого бы то ни было бога въ произведеніяхъ нынѣшнихъ, такъ называемыхъ внѣклассовыхъ художниковъ? Такого отсутствія бога у художниковъ, выходящихъ изъ пролетаріата, у художниковъ, проникнутыхъ духомъ пролетаріата, быть не можетъ. Практика жизненной борьбы, гнѣвъ и сатира по отношенію къ угнетателю, горячая, единственно утѣшающая, надежда на будущее, братство и солидарность дѣлателей одного и того же дѣла, со-

знаніе величественнаго, общечеловѣческаго значенія этого дѣла, творчество идейное, творчество этическое—все это бурно вливается въ душу такого художника и переполняетъ его произведенія духовнымъ содержаніемъ. Безыдейнымъ такое искусство быть не можетъ. Зачѣмъ же ему искать тенденціозности? Тенденція есть нѣчто искусственно-пришитое, холодный и чужой кусокъ, вынутый изъ разсуждающей головы и положенный въ мнимый и жидкій продуктъ творчества воображенія.

Такой тенденціозности ни въ какомъ подлинномъ искусствѣ нѣтъ мѣста, и пролетарское тутъ ничѣмъ отъ другихъ не отличается. Уже въ 1905-6 годахъ въ Россіи отмѣтились серьезныя теченія въ этомъ направленіи среди петроградскаго пролетаріата. Уже тогда мы много ждали отъ этого движенія. Вы скажете, что ожиданія не исполнились. А я отвѣчу, что исторія жесткой рукой прервала тогда золотую нить свободной культурной работы въ Россіи. Только февральскіе дни 1917 года вновь завязали узелъ и общественныя силы продолжаютъ теперь ткать ту же золотую нить. Будемъ помогать имъ. Будемъ продолжать ту самую работу, которую какъ ножемъ перерѣзала реакція. Постараемся присмотрѣться конкретно какія реальныя задачи можемъ мы выполнить, мы пролетаріи и люди, примкнувшіе къ пролетаріату, въ области выполненія культурныхъ задачъ рабочаго класса, которыя выполнить онъ обязанъ ради себя, ради Россіи, ради соціализма и всего человѣчества.

III.

Исчерпать въ одной небольшой брошюрѣ всѣ темы, которыхъ слѣдовало бы коснуться для освѣщенія поставленнаго нами вопроса нельзя. Въ сущности ему посвящена будетъ вся серія—„Культурныя задачи рабочаго класса“. Но мы считаемъ необходимымъ остановиться здѣсь, въ этомъ своего рода введеніи въ нашу серію, еще на одной сторонѣ дѣла. Кто будетъ творить пролетарскую культуру? Въ особенности, ея наиболѣе тонкія и удаленныя отъ непосредственной борьбы формы?

Прежде всего, разумѣется, сами пролетаріи.

Насъ отнюдь не должны смущать указанія на отсутствіе времени, подготовки, средствъ, что лишаетъ-де рабочаго человѣка возможности выбиться изъ тьмы и поднять голову надъ чадомъ его удручающаго быта въ свободную атмосферу творчества.

Прежде всего надо помнить, что художникомъ дѣлаетъ человѣка не наличность подготовки, времени и средствъ, а талантъ. Нѣтъ, рѣшительно, никакого основанія думать, чтобы процентное отношеніе людей талантливыхъ къ людямъ среднимъ было почему то ниже въ пролетаріатѣ, чѣмъ въ другихъ классахъ.

Конечно, талантъ, родившійся въ глухой провинціи въ крестьянской хатѣ, или попавшій между зубьевъ шестерни промышленнаго механизма, несравненно легче можетъ безвременно и безплодно погибнуть, чѣмъ относительно гораздо меньшій талантъ, волею рока разцвѣтшій въ благопріятныхъ и ласковыхъ условіяхъ. Но зато, выживая, онъ закаляется, зато, пройдя черезъ огонь страданій, онъ очищается и пріобрѣтаетъ тотъ особенный букетъ крѣпкой горечи и глубокаго милосердія, который отличаетъ такихъ великихъ выходцевъ изъ народа, какъ наши современники Максимъ Горькій и Андерсъ Нексе.

Къ тому же ростъ общественнаго вліянія пролетаріата открываетъ для его наиболѣе талантливыхъ представителей новые пути. Если теперь еще холоднымъ издѣвательствомъ звучали бы слова о томъ, что талантъ де при всякихъ условіяхъ сумѣетъ проложить себѣ дорогу, то все же нельзя отрицать, что у даровитаго пролетарія, благодаря широкой общественной жизни рабочаго класса, его организаціи, его прессѣ, его культурно-просвѣтительнымъ обществамъ, имѣются значительные шансы быть замѣченнымъ, найти поддержку и развернуться.

Но тутъ насъ встрѣчаетъ другое возраженіе. Намъ говорятъ, что рабочій, выдвинувшійся благодаря своему дарованію и ставшій спеціалистомъ, отрывается отъ своего класса, что его нельзя больше разсматривать, какъ подлиннаго рабочаго: это въ сущности интеллигентъ пролетарскаго происхожденія.

Возраженіе это не имѣетъ никакой силы. Конечно, если талантливый рабочій уходитъ и отъ идеаловъ своего класса, если онъ, въ погонѣ за привилегіями, фактически переходитъ къ власть имущимъ—онъ вычеркивается изъ списковъ рабочей арміи. Но если сердце его продолжаетъ биться въ унисонъ съ общимъ сердцемъ его класса, то отстраненіе его отъ станка и переходъ къ письменному столу или мольберту ни на одну минуту не удаляютъ его отъ рабочаго класса. Штабъ арміи рѣдко сражается въ рукопашномъ бою и, однако, онъ является однимъ изъ важнѣйшихъ и неотъемлемыхъ органовъ арміи. Рабочій классъ, конечно, долженъ выдѣлить изъ своей среды много разныхъ спеціалистовъ интеллектуальной и вообще культурной работы, выдѣлить свой *штабъ*, но никакого разрыва при этомъ между его собственной интеллигенціей и его главнымъ корпусомъ не произойдетъ.

Напрасно были бы ссылки на такъ называемую рабочую бюрократію, на офицеровъ профессіональнаго движенія. Тутъ, какъ и въ кооперативномъ движеніи дѣйствуютъ особыя условія, особыя теченія, несущія наиболѣе слабыхъ къ крохоборству и оппортунизму. Это явленіе гораздо менѣе замѣтно въ области политической борьбы, или въ тѣхъ синдикатахъ, которые пропитаны революціоннымъ духомъ, въ тѣхъ областяхъ культурно-просвѣтительной работы, гдѣ она идетъ подлинно пролетарскими, новыми и смѣлыми путями. И во всякомъ случаѣ какъ разъ самымъ лучшимъ противоядіемъ противъ мѣщанскаго размагниченія въ обстановкѣ относительнаго комфорта служитъ именно талантъ. Талантъ не забудетъ и не проститъ первыхъ впечатлѣній дѣтства, талантъ не дастъ заткнуть уши отъ стоновъ братьевъ, талантъ не позволитъ угаснуть огню классоваго художественнаго самосознанія.

Мало того, талантъ удерживаетъ пролетарскую интеллигенцію на орбитѣ вращенія вокругъ рабочаго идеала, онъ привлекаетъ къ этому солнцу и наиболѣе яркихъ представителей интеллигенціи не пролетарской.

Цѣлый рядъ крупнѣйшихъ и среднихъ писателей и художниковъ, принадлежавшихъ по своему происхожденію и образованію къ крупной или мелкой буржуазіи, энергично порывали съ ней, съ презрѣніемъ сторонились ея базарной, продажной, на отрицаніи человѣческаго достоинства построенной культуры, порой гибли гордыми одиночками—отщепенцами, порой вырывали своимъ геніемъ признаніе всего общества вопреки его воли и стоятъ передъ нами какъ великіе самостоятельные протестанты, порой наконецъ находили дорогу къ естественному своему союзнику пролетаріату.

Чѣмъ дальше—тѣмъ чаще встрѣчались подобные случаи, и можно сказать, что въ послѣднее время рѣдкій подлинный и широко образованный талантъ оставался чуждъ по меньшей мѣрѣ симпатіи къ соціалистическому движенію и идущему подъ его знаменамъ пролетаріату.

Конечно индивидуализмъ интеллигенціи и часто еще очень сильная темнота въ значительныхъ числомъ кругахъ пролетаріата, а равно и многія другія причины, о которыхъ мы не имѣемъ мѣста распространяться, мѣшаютъ взаимному пониманію лучшей части интеллигенціи, той которая искренне считаетъ себя работницей на благо всему человѣчеству и старается быть таковой, и пролетаріатомъ, но союзъ между ними тѣмъ не менѣе неизбѣженъ. Онъ уже плодотворно намѣчается. И тамъ, гдѣ искренній талантъ, съ присущей ему отзывчивостью и конгеніальностью, подойдетъ вплотную къ великому рабочему классу—онъ невольно пропитается его духомъ и сумѣетъ помочь ему въ его собственномъ классовомъ культурномъ строительствѣ независимо отъ происхожденія даннаго художника.

Низшіе классы въ революціонномъ подъемѣ своемъ всегда привлекали къ себѣ благородныхъ перебѣжчиковъ сверху. Въ области искусства пролетаріатъ тоже обрѣтетъ своихъ Марксовъ, рядомъ со своими Бебелями.

А. Луначарскій.

Книгоиздательство „СОЦІАЛИСТЪ“.

Невскій, 77. ▫▫▫▫ Тел. 80-27.

Имѣются на складѣ изд. „ЗНАНІЕ и СИЛА“.

ОЛЬГОВИЧЪ. (О. А. Волькенштейнъ). Монархія или республика. Ц. 15 к.

Ея-же. Отвѣтственность министровъ. Ц. 15 к.

Ея-же. Швейцарія—страна истинной демократіи. Ц. 15 к.

Ея-же. Не царь, а законъ. Ц. 15 к.

Ея-же. Федеративная республика Австраліи. Ц. 15 к.

Ея-же. Великая смута земли русской. Ц. 30 к.

ЛЮБОВЬ ГУРЕВИЧЪ. Почему нужно дать женщинамъ такія же права, какъ мужчинамъ. Ц. 15 к.

Ея-же. Первое выступленіе и разстрѣлъ петербургскихъ рабочихъ (9 января 1905 г.). Ц. 35 к.

А. ВОЛКОВЪ. Петроградское охранное отдѣленіе. Ц. 15 к.

Изданія „СОЦІАЛИСТЪ“.

М. ЛУРЬЕ. (Ю. Ларинъ). Утописты минимализма и дѣйствительность. Ц. 60 к.

Его-же. Германская соціалдемократія и миръ. Ц. 1 руб.

Его-же. Продовольственный опытъ нѣмецкихъ городовъ. Ц. 15 к.

СТ. СТРУМИЛИНЪ. Богатство и трудъ. Ц. 80 к.

Его-же. Богъ и свобода. Ц. 75 к.

В. ЛИБКНЕХТЪ. Пауки и мухи. Ц. 8 к.

Муниципальная комиссія при Петроградской организаціи Р. С.-Д. Р. П. **Къ муниципальнымъ выборамъ.** Ц. 8 к.

Н. А. СКВОРЦОВЪ. Что такое „Учредительное Собраніе“ и какъ происходили „Учредит. Собранія“ у разныхъ народовъ. Ц. 30 к.

Его-же. Что такое личная свобода? Права человѣка и гражданина. Ц. 15 к.

Его-же. Для чего и какое „Учредительное Собраніе“ нужно трудовому народу. Ц. 15 к.

КАЛЬВЕРЪ. Соціалдемократія и христіанство. Ц. 30 к.

Книгоиздательство „СОЦІАЛИСТЪ“.

Невскій, 77. ▫▫▫▫ Тел. 80-27.

М. Л. ХЕЙСИНЪ. Что свершилось? Нуженъ ли намъ царь? Съ рис. Ц. 15 к.

Л. МАРТОВЪ. Кантъ съ Гинденбургомъ, Марксъ съ Кантомъ. Ц. 15 к.

Его-же. Простота хуже воровства. Ц. 30 к.

Его-же. Націонализмъ и соціализмъ. Ц. 1 р. 50 к.

Э. ПИМЕНОВА. Борьба труда съ капиталомъ. Ц. 30 к.

Ея-же. Національность и націонализмъ. Ц. 15 к.

Р. АРСКІЙ. Примирительныя камеры. Ц. 30 к.

Л. ЩЕГЛО. Городскія думы прежде и теперь. Ц. 30 к.

Народный толковый словарь общественно-политическихъ словъ. Ц. 30 к.

СПУТНИКЪ ЧИТАТЕЛЯ критич. обозр. нов. лит. по общ. полит. вопр. Ц. 35 к.

В. МАЙСКІЙ. Въ мірѣ германскаго профессіональнаго движенія Ц. 1 р.

Н. СУХАНОВЪ. Марксизмъ и народничество. Ц. 30 к.

Его-же. Земельная рента (Соціализація земли).

А. ЛУНАЧАРСКІЙ. Діалогъ объ искусствѣ.

ВОЛГИНЪ. Безпартійные или соціалдемократическіе профес. союзы. Ц. 15 к.

Въ провинцію книги высылаются наложеннымъ платежомъ, при условіи задатка. Книгопродавцамъ, складамъ, общественнымъ учрежденіямъ и профессіональнымъ организаціямъ скидка.

СКЛАДЫ ИЗДАНІЯ: К-во „Соціалистъ“, Невскій, 77.

Книжный складъ: Петроградъ, С. Р. и С. Д., Смольный Инст., ком. 46, 2 этажъ.